ЖИЗНЬ, КОТОРУЮ Я НЕ ВЫБИРАЛ

КАК ЧУЖИЕ ОЖИДАНИЯ СТАНОВЯТСЯ ТВОЕЙ СУДЬБОЙ

РОМАН САВИЩЕВ

Роман Савищев

Жизнь, которуя Я не Выбирал. Как чужие ожидания становятся твоей судьбой

«Автор»
2026

Савищев Р.

Жизнь, которуя Я не Выбирал. Как чужие ожидания становятся твоей судьбой / Р. Савищев — «Автор», 2026

Однажды вы согласились на работу, потому что было удобно. Остались в отношениях, потому что не хотели никого расстраивать. Отказались от мечты, потому что «уже поздно».А потом обнаружили, что прошли годы.И возникает неудобный вопрос: чью жизнь вы всё это время проживали? Меня всегда удивляло, как самые важные решения иногда принимаются без самого человека. Не из-за слабости или глупости. Просто однажды он говорит «ладно», и это согласие незаметно превращается в судьбу.В этой книге я разбираю 30 ситуаций, в которых чужие ожидания, семейные привычки и страх перемен подменяют собственный выбор.Вы узнаете, как отличать желание от обязанности, замечать навязанные решения и возвращать себе право выбирать — без необходимости разрушать всё, что уже построено.Нельзя переписать прошлое.Но можно перестать соглашаться на будущее, которого не хочешь.

© Савищев Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Эссе 1. Жизнь, которую я не выбирал 6
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Роман Савищев
Жизнь, которуя Я не Выбирал. Как чужие ожидания становятся твоей судьбой

От автора

Эта книга предлагает посмотреть на решения, из которых складывается жизнь, и попробовать отделить собственный выбор от привычки соглашаться с обстоятельствами и ожиданиями окружающих.

Её цель — не убедить читателя отказаться от семьи, работы, отношений или принятых обязательств. Осознание того, что какое-то решение было принято без настоящего желания, ещё не означает, что его необходимо немедленно отменять.

Любые значимые перемены требуют оценки возможных последствий, в том числе финансовых, правовых и личных. Упражнения и размышления в книге не заменяют индивидуальную консультацию специалиста.

Описанные истории собирательны, отдельные детали изменены. При подготовке рукописи применялись современные средства обработки и организации текста. Окончательные выводы и изложенная позиция принадлежат автору.

Эссе 1. Жизнь, которую я не выбирал

Дача, которую он не хотел

Крыша текла в двух местах, и он попросил приехать в субботу, потому что вдвоём быстрее. Я приехал к девяти, мы разложили лестницу, и первые полчаса говорили только про то, где брать доску и сколько стоит саморез. Потом он сел на перевёрнутое ведро, закурил и сказал: я эту дачу не хотел. Сказал без жалобы, скорее как сообщают погоду. За забором сосед рубил что-то топором, и звук шёл с паузами, как метроном, и в этих паузах было слышно, как далеко проходит электричка.

Дачу он взял девять лет назад, и тогда это было «на время». Участки раздавали по смешной цене, дом стоял пустой, а он как раз получил деньги с объекта и не знал, куда их деть. Он говорит: я думал, продам через год, когда подорожает. Я спрашиваю, почему не продал. Он говорит: а зачем, привыкли. И добавляет, что дети выросли на этой даче, и теперь продавать как-то неловко, как будто отбираешь у них лето.

Он показывает участок: теплица, которую он не хотел строить, качели, которые сварил сам, потому что магазинные дорогие. Всё сделано хорошо. Он хороший хозяин, и это видно по мелочам: каждый ящик с инструментом подписан, шланг смотан ровно, у калитки стоит банка с гвоздями, рассортированными по длине. Я думаю о том, что человек, который так старается, вряд ли ненавидит место. Он просто никогда не спрашивал, хочет ли он здесь быть. Он наливает чай в железные кружки, и мы пьём его на веранде, где пахнет старой краской и немного сыростью. Он говорит: тут хорошо в июне. В июне действительно хорошо: сирень, воздух, тишина, и даже электричка не мешает. Он говорит это так, будто оправдывается перед кем-то, и я понимаю, что оправдывается он не передо мной. Мне становится неловко, как бывает, когда человек защищает то, о чём его никто не спрашивал.

Я не спросил, чего он хотел вместо. Мне показалось, что вопрос будет выглядеть как упрёк, а упрекать человека в том, что он девять лет ездит на свою дачу и чинит на ней крышу, глупо. Но вопрос остался, и я задал его себе по дороге домой, в электричке, глядя на те же поля, которые утром проехал в обратную сторону. Поля были те же, а я смотрел на них иначе, и это было единственное, что изменилось за день.

Четыре звена одной цепочки

Он рассказал её коротко, пока мы ждали, когда схватится первый слой. Женился в двадцать четыре, потому что была очередь на жильё, а очередь давали только семейным. Жильё дали в северном направлении, потому что там был свободный фонд. Дачу взял в том же направлении, потому что добираться удобно. Работу менял дважды, и оба раза находил рядом с домом, потому что не хотел тратить два часа в день на дорогу. Каждое звено разумное. Ни одно нельзя назвать ошибкой, и в каждом была своя логика: очередь, фонд, дорога, время. Если рассказывать эту историю по одному шагу, она звучит как биография аккуратного человека, который всё делает вовремя. Если рассказывать её целиком, получается место, куда он не собирался: север, дача, дорога, работа, которую он не выбирал, а нашёл, потому что она была близко.

Он не жалуется. За два часа он ни разу не сказал, что ему не нравится, и это важнее всего остального. Он говорит: нормально. Так говорят о том, что уже не обсуждается, потому что обсуждать поздно. Я замечаю, что он произносит это слово четыре раза за разговор, и каждый раз в разных местах, и каждый раз это конец темы, после которого говорить нечего. Жена приезжает к обеду, привозит продукты и сразу уходит в дом. Они разговаривают коротко и по делу: сколько осталось, где взять, кто заберёт детей из секции. Между ними нет напряжения, и это хуже, чем напряжение, потому что напряжение хотя бы означает, что есть о чём спорить.

Я думаю об этом и тут же одёргиваю себя: я вижу два часа из девяти лет и делаю выводы о чужой жизни по крыше и разговору про слизней.

У меня тоже есть такая цепочка, и я знаю про неё не больше, чем он про свою. Я могу назвать три решения, которые привели меня туда, где я сейчас, и два из них были не решениями, а согласиями. Первое я даже не помню как выбор: мне предложили, я не отказался, и потом это стало называться «так получилось». Второе помню лучше: я тогда устал спорить и сказал «ладно», и это «ладно» до сих пор определяет мой день. Его отец прожил так же, и это не упрёк, а наблюдение. Он всю жизнь проработал на одном заводе, потому что завод был в двух остановках, и говорил об этом с уважением, а не с горечью. В их семье не принято было выбирать: выбирать означало зазнаваться, а зазнаваться было стыдно. Так что цепочка длиннее, чем четыре звена, и начинается она не с него.

Разница между нами в том, что я об этом думаю, а он нет. И это не моя заслуга: я просто оказался в такой ситуации, где пришлось думать, потому что кто-то задал вопрос вслух. Ему такого вопроса не задавали, и он не обязан был его себе задавать. Люди редко проверяют то, что работает: пока жизнь идёт, вопрос кажется праздным, а когда перестаёт идти, бывает поздно.

Согласие дешевле выбора

Согласие и выбор — разные действия, и разница не в размере, а в том, кто формулирует. Выбор требует назвать, чего ты хочешь, и отказаться от остального. Согласие требует только не возражать, и это в разы дешевле: не нужно ничего формулировать, не нужно ничего терять, не нужно объяснять, почему ты так решил. Поэтому согласия накапливаются, а выборы нет. За год человек даёт сотни согласий и принимает два-три решения, и в памяти остаются только решения, потому что они заметные. Согласия не запоминаются: они не событие, а фон. А потом выясняется, что фон и есть жизнь, а решения были редкими точками в ней, вокруг которых мы потом выстраиваем рассказ о себе.

Когда согласий набирается десяток, конструкция начинает выглядеть как судьба. У неё нет автора, и оттого её трудно оспорить: с судьбой не спорят, её принимают. Человек говорит: так сложилось. Сложилось действительно, но складывал он сам, по одному кирпичу, и каждый кирпич был разумным в тот момент, когда его клали. Важное свойство согласия в том, что оно почти всегда обратимо. Согласиться на подработку на три месяца можно и через три месяца отказаться. Проблема не в самом согласии, а в том, что никто не назначает дату, когда его надо пересмотреть. Без даты согласие становится бессрочным, и через десять лет человек уже не помнит, что подписывался на три месяца.

Окружающие тоже участвуют. Когда человек соглашается, никто не спрашивает, чего он хотел: вопрос кажется бестактным, потому что ответ уже дан. А когда он выбирает, вокруг немедленно появляются советчики, и каждый считает своим долгом объяснить, почему это риск. Согласие не обсуждают, выбор обсуждают всегда, и это неравенство делает согласие ещё дешевле.

Есть ещё одна причина, по которой согласие побеждает. Выбор всегда виден окружающим, а согласие нет. Если ты меняешь работу, это событие, о котором будут говорить. Если ты остаёшься, никто не заметит, и никто не спросит, почему. Согласие не требует отчёта, и это делает его самым удобным способом жить для человека, который не любит объясняться. Я не хочу, чтобы это выглядело как слабость. Согласие часто бывает единственным разумным действием: когда есть очередь на жильё, когда рядом работа, когда надо кормить семью. Сильные люди соглашаются чаще, потому что у них больше обязательств. Вопрос не в том, соглашался ли ты, а в том, проверял ли ты хоть раз, на что именно согласился.

Когда согласие оказалось удачей

Цепочка согласий иногда приводит туда, где хорошо. Человек согласился на работу рядом с домом и через десять лет обнаружил, что это его дело. Согласился на дачу и нашёл там то, чего не искал: тишину, которая ему была нужна. Такое бывает чаще, чем кажется, и я не хочу

это обесценивать, потому что тогда получится, что правильная жизнь одна и она обязательно выбранная. Разница видна по одному признаку: удачное согласие человек может назвать своим, не оправдываясь. Он говорит «я здесь живу, потому что мне тут хорошо», и это не защита, а сообщение. Неудачное согласие всегда требует объяснения: почему здесь, почему до сих пор, почему не поменял. Там, где нужна защита, там нет выбора, потому что выбор не защищают.

Есть простой вопрос, который это проверяет: если бы я оказался здесь впервые сегодня, я бы остался. Он не требует менять жизнь и не требует признавать ошибку. Он только показывает, есть ли за текущим местом решение или за ним ничего нет, кроме привычки и неловкости от перемен. Ответ «нет» не означает, что надо уходить. Иногда остаться правильно: дети в школе, родители рядом, деньги нужны, и всё это весит больше, чем вопрос о самореализации. Но остаться, зная, что это выбор, и остаться, не зная, — разные вещи. В первом случае ты платишь цену и знаешь, за что. Во втором платишь и не знаешь.

Опасность такого вопроса в том, что он может стать инструментом самобичевания. Люди, склонные к этому, задают его и находят у себя сплошные согласия, а потом три месяца себя едят. Поэтому задавать его надо не про всю жизнь сразу, а про одну вещь, и не чаще раза в год. Всё остальное время можно просто жить, и это тоже важно.

Три развилки

Упражнение занимает один вечер и не требует ничего, кроме листа бумаги и ручки. Оно нужно не для того, чтобы что-то поменять, а для того, чтобы увидеть, где кончается твоё решение и начинается согласие. Называется оно «Три развилки», и делать его лучше в спокойный день, а не в тот, когда всё горит и хочется немедленно всё переделать. Первое. Выпиши три решения, которые определили, где ты живёшь и чем занят. Не вообще важные решения, а именно те, что дали координаты: город, район, профессия, круг общения. Три, не больше. Если писать десять, начнётся биография, а нужна карта, и на карте должно быть видно дорогу, а не всё поле.

Второе. У каждого ответь на один вопрос: я это выбрал или согласился. Формулировка важна. Не «хотел ли я», а «выбрал или согласился», потому что хотеть можно и то, на что согласился. Выбрал значит: были другие варианты, и я их видел. Согласился значит: был один, и я не возражал, а если варианты и были, я их не рассматривал.

Третье. Там, где согласился, поставь дату. Не «давно», а год, а если помнишь, то и месяц. Дата нужна не для точности, а для одного эффекта: она превращает фон в событие. Событие можно пересмотреть, у него есть начало и есть ты, который в нём участвовал. Фон пересмотреть нельзя, потому что у фона нет ни начала, ни автора.

Критерий простой: хотя бы одно из трёх окажется согласием, а не выбором, и ты вспомнишь год. Если все три оказались выбором, тебе повезло больше, чем большинству, и можно закрыть лист. Если все три оказались согласием, пугаться нечего: перед тобой карта, и по ней видно, откуда идти, а это уже немало. Две ошибки, которые делают почти все. Первая: писать не свои решения, а те, которые считаются важными, вроде выбора профессии, когда профессия была одна и её предложила мать. Вторая: считать согласием всё подряд, включая то, что ты действительно выбрал, и потом чувствовать себя марионеткой. Признак настоящего согласия в том, что ты помнишь, как мог возразить, и не возразил.

После упражнения ничего не меняется, и это нормально. Оно не для изменений, а для зрения: до него жизнь выглядит как обстоятельства, после — как последовательность действий, часть которых была твоя. Дальше можно ничего не делать месяцами, но однажды в разговоре ты услышишь себя и скажешь не «так сложилось», а «я согласился». Это будет тихо и почти незаметно, и это уже сдвиг.

Сосед за забором

Сосед закончил рубить и ушёл, и стало тихо. Мы доделали крышу к шести, он предложил остаться на ужин, и я остался. За столом были дети, жена, картошка и разговор про то, что

в этом году много слизней. Обычный вечер, и в нём не было ничего плохого: люди ели, смеялись, кто-то спорил, кому мыть посуду. Я уехал последней электричкой и всю дорогу думал о том, что его жизнь не хуже моей. Она просто не была выбрана, и в этом вся разница. Человек может прожить хорошую жизнь по согласию, и никто не заметит подмены, включая его самого. Заметно это становится только в одном месте: когда его спрашивают, чего он хочет, и он не находит ответа.

Цена не в том, что он живёт не там. Цена в том, что он не знает, где хотел бы. Способность отвечать на этот вопрос слабеет, если ей не пользоваться, и через двадцать лет ответа нет не потому, что его нет, а потому, что вопрос не задавался. И тогда любое «нормально» звучит как окончательное, хотя это всего лишь слово, которым закрывают тему. Ничего героического тут не требуется. Достаточно раз в год задавать себе один вопрос про одну вещь и записывать ответ. Через несколько лет наберётся список, и в нём будет видно, что ты выбрал, а что с тобой случилось. Этот список и есть разница между судьбой и жизнью, и другого способа её увидеть я не знаю.

Крыша, кстати, держит. Он написал мне через месяц и сказал, что в дождь сухо, и это было единственное, что он написал за год. Я думаю, что он хороший человек, и мне не хочется, чтобы из этой истории вышел упрёк. Она не про него. Она про то, что согласие тише выбора, и поэтому его слышно только потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.